

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА В РОМАНЕ Б.А.САДОВСКОГО «КАРЛ ВЕБЕР»

© 2017 Н.Н.Кислова

Кислова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: kislova_nn@sgspu.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 07.07.2016

В статье рассматриваются особенности изображения Петровской эпохи в историческом романе «Карл Вебер» Б.А.Садовского. В статье отмечено влияние авантюрного характера Петровской эпохи на судьбу героя. Это раскрывается через принципы изображения писателем исторической личности, в частности, образа Петра I, представленное через описание бытового поведения самого Петра и его ближайшего окружения. Кроме того, сделана попытка определить авторское видение Петровской эпохи сквозь призму смеховой культуры: образы карликов, шутов, шутовских свадеб и похорон. В статье подчеркивается трагизм образа Петра I, его одиночество, отсутствие взаимопонимания между царем и наследниками его идей и помыслов. Сделана попытка раскрытия творческой мастерской писателя: использование образов-символов для изображения миропонимания Петра I, создание «альтернативной истории».

Ключевые слова: Б.А.Садовский, Петровская эпоха, смеховая стихия, исторический роман, альтернативная история.

Среди поэтического наследия Бориса Александровича Садовского значительное место занимают исторические произведения: это и рассказы «Анекдот», «Ильин день», и сборник историко-литературных новелл «Узор чугунный», и повести «Двуглавый орел», «Бурбон», «Лебединые клики», и романы «Приключения Карла Вебера», «Пшеница и плевелы», «Современник», «Первое марта» и др.

Роман «Карл Вебер» стал последней книгой, которую удалось издать Б.А.Садовскому при жизни. Роман был закончен писателем в ноябре 1923 г., а в декабре 1925 года М.А.Цявловский писал Б.А.Садовскому: «Близко зная настроения издательские в настоящее время, я думаю, что легче всего из того, что у тебя имеется, издать авантюрный роман из эпохи Петра» [1, с. 464]. В 1927 году при содействии С.А.Клычкова была опубликована в журнале «Красная новь» глава «Карлики», а весь роман увидел свет в 1928 году под заглавием «Приключения Карла Вебера».

События в романе «Приключения Карла Вебера» происходят в первой трети XVIII века на территории Европы и России. Б.А.Садовский через призму частной жизни вымышленного персонажа Карла Вебера изображает историческую эпоху, переплетая подлинные факты и судьбы со сказочно-фантастическим повествованием. Жизненные перипетии Карла Вебера вполне вписываются в атмосферу авантюризма, действительно царившего в течение всего XVIII века. Так, ощутив себя взрослым и покинув дом, герой

переживает множество невероятных приключений: играет в бродячем театре под именем Голиафа роли злодеев и привидений; становится знаменосцем в армии принца Евгения Савойского; оказывается в плену у турок и работает на винограднике Орлика; нанимается надсмотрщиком и телохранителем к герцогу Виртембергскому; служит гренадером у короля Фридриха-Вильгельма и, наконец, сержантом Преображенского полка у Петра I. По словам Ю.М.Лотмана, «авантюризм открывал для наиболее активных людей века выход за пределы рутинного повседневного быта, это был, с одной стороны, путь принципиально уникальный, а с другой стороны, открыто и демонстративно аморальный, это был путь личного утверждения в жизни при сохранении ее основ» [3, с. 291]

Приехав в Россию по приглашению князя Меншикова, Карл сразу попадает в ближайшее окружение царя и становится свидетелем и активным участником придворной жизни с ее развлечением и интригами. Как известно, у Петра I была страсть к людям необычной внешности, например, очень большого или очень маленького роста. По-видимому, в этом выразилось свойство его природы, стремящейся ко всему выходящему за рамки обыденности. Карл привлекает царя своим необычным внешним видом: он великан.

Обычай держать среди челяди людей экзотической наружности бытовал в XVII – XVIII веках при всех европейских дворах, обязательным их

атрибутом были карлицы (карлы). И при дворе Петра I центральное место занимают карлики. Они служат развлечением во время пиршеств царя: поют, кувыркаются и пляшут. Внимание Б.А.Садовского при описании примет исторического быта нередко сосредоточено не на подробном описании деталей одежды, утвари, портрета, а на создании впечатления от увиденного глазами героя. Так и в сцене первого [для Карла Вебера – Н.К.] появления карликов Карл вначале слышит мелодичный звон, а затем видит вереницу карликов. Он фиксирует, как они идут, сколько их, где расположены бубенчики, издающие легкий звон, «записывает», что они поют, кто является их предводителем. Таким образом, писатель с помощью восприятия героя реконструирует историю повседневной жизни при дворе Петра I.

Важной приметой придворной жизни русских императоров и императриц являлись шуты. Они были непременным элементом института «государственного смеха» [термин Д.С.Лихачева]. Шут — не дурак, он исполняет определенную «должность» с четко обозначенной границей в отношениях с различными людьми. В правила этой должности-игры входили и известные обязанности, и известные права. Защищаемый древним правилом, шут мог сказать что-то нелюбезное, но мог за это и пострадать, если выходил за рамки, установленные повелителем. В системе неограниченной власти роль такого человека, имевшего прямой доступ к властителю, была весьма значительна. Оскорблять шута опасались.

Б.А.Садовской главным действующим шутом при дворе Петра I делает Балакирева, ориентируясь на народные анекдоты о шуте Балакиреве [8]. Исторический Иван Алексеевич Балакирев официальным шутом стал в царствование Анны Иоанновны. О шуте Балакиреве в романе сказано, что «языка его все боятся» [1, с. 45], «главную соль его остроумия составляют грубость и неприличие» [1, с. 45], с ним же связан шутовской обряд венчания с козой и ритуал поздравления с новорожденным («приходить на зубок»).

Шутовские свадьбы, описанные и упомянутые в романе, также являются приметой Петровской эпохи. Из исторических источников известно подробное описание свадьбы царского карлика-шута Якимы Волкова, состоявшейся в Петербурге в 1710 году, на которой венец над невестой держал сам царь, в знак своей особой милости [5]. По словам датского посланника Юста Юля, во время этой церемонии «кругом слышался подав-

ленный смех и хохот, вследствие чего таинство более напоминало балаганную комедию, чем венчание или вообще богослужение. Сам священник вследствие душившего его смеха насилу мог выговаривать слова во время службы» [4].

Петр I заставляет великана Карла жениться на карлице. Венчание Карла и Зануды имеет элементы обряда «наизнанку», совершенного как бы понарошку, как пародия не только на само венчание, но и на исполнение обряда. Д. С. Лихачев отмечал, что характерные для эпохи Петра «маскарады, пародические и шутовские празднества, шутовские шествия <...> свадьба шута Тургенева в 1695 г., такое же празднество в 1704 г., свадьба шута Зотова в 1715 г. <...>» стали проявлением древнерусской смеховой стихии, пережившей Древнюю Русь и отчасти проникшей в XVIII и в XIX в. [2, с. 389.]. Д.С.Лихачев также указывал, что Петр сам часто сочинял программы шутовских празднеств. И Б.А.Садовской пишет о Петре как авторе шутовского обряда женитьбы шута Балакирева на козе.

В этом же «смеховом» ряду поступок Балакирева, объявившего, что его жена-коза родила. Во исполнении традиционного обряда весь двор ходил поздравлять шута с родинами. Гости выполняли привычные действия, клали деньги родильнице «на зубок», в непривычной обстановке: «Шут лежал на двуспальной кровати; рядом из-под стеганого одеяла выглядывала белая козья мордочка с позолоченными рогами. В богатой корзине верещал новорожденный. В домишке было светло и весело; горели цветные свечи, зеленели березки, изукрашенные лентами, мягко звенели бубенчики на шутовском колпаке и на рогах у козы» [1, с. 46–47].

Описание особенностей «смехового мира» Петровской эпохи завершается картиной похорон карлицы Зануды, в которых участвует царь, Карл, двадцать траурных карликов на ходулях, шут Балакирев, юноша Тредьяковский.

«Шутовские похороны», засвидетельствованные в исторических источниках об эпохе Петра, связаны с похоронами карликов Якимы Волкова и Фрола Сидорова [6]. Это также были пародии на реальный обряд. Б.А.Садовской воспроизводит элементы петровской пародийной обрядности, упоминая и взвод преображенцев, и траурные одеяния, и красный гробик. Но изначальный характер обряда объясняется не столько смеховой стихией, сколько пьяным характером церемонии, от чего возникает сочувствие к убитой

Зануде, а «смешить может только то, что не вызывает сочувствия» [2, с. 389].

Б.А.Садовской таким образом важной составляющей Петровской эпохи признает наличие в ней смеховой стихии, не потерявшей еще связи с древнерусским смехом как мировоззренческой категорией.

Россия в период правления Петра I дана исключительно в восприятии немца Карла Вебера. И здесь писатель следует определенным стереотипам, связанным с иностранным взглядом на Россию. Прежде всего, это снежная страна. Герой приезжает в Россию зимой, отмечает большое количество снега, хорошие зимние дороги, луну, которая светит как в тумане, и звон колокольчиков на упряжи лошадей знатных людей.

Приметой России является русская охота. И Карл Вебер делится своими впечатлениями об охоте на волков, признавая, что ему понравился обычай псковских мужиков ловить волков в сети, а потом избивать дубинками.

Россия – богатая страна, но в ней роскошь соединена с бедностью и грязью. В описании Петербурга, который уже двадцать лет стоит на берегу Невы, присутствует противоречивость: «чистенький, ровный городок; самое скверное в нем – климат, суровый и неприятный» [1, с. 43]. Герой отмечает стремление города быть похожим на Европу, но «грубость и неряшливость не дают забыть, что находишься в России» [1, с. 43]. В Петербурге Карл Вебер бывает в нескольких дворцах, но везде отмечает грязь: у князя Меншикова «мы ели на серебряных, давно не мытых тарелках. Щи дымились в деревянной с базарной росписью чашке» [1, с. 43], в царском кабинете «душно и смрадно, окна с двойными рамами, на полу сор, плевки и пепел» [1, с. 43]. Другой русский город – Нижний – напротив, представлен описанием природных красот и Печерской слободы. В описании природы преобладает простор, высь, многообразие птиц, чередование песен рыбаков с глухой тишиной. Автор подчеркивает вечность природного мира: «Высокий гористый берег Волги шумел вершинами столетних дубов и вязов» [1, с. 62] и его цикличность: «Волга весной превращалась в необозримое море» [1, с. 62]. Печерская слобода, хотя и тонет весной в грязи, но представлена в поэтической манере как сельская идиллия: «избушки, плетни, стадо, переливы пастушьих дудок, переключка петухов да плавный благовест колоколен. По лужайкам бродят наседки с цыплятами, далеко зеленеют огороды, белоголовые ребятишки тешатся в козны и городки» [1, с. 63]. Б.А.Садовской противопос-

твляет столичный и провинциальный город, при этом в провинции совершенно не заметно влияние петровских реформ, нет ни намека на политические, экономические и иные преобразования. Тогда как в столице в разговорах Петра с Карлом или с Меншиковым присутствует ощущение происходящего перелома, но Петр в своих стремлениях представлен одиноким, его ближайшее окружение не разделяет высказываемых им идей и помыслов. Так, например, на фразу Петра, что «немцев в Россию надо побольше напустить. На немецких дрожжах взойдет моя империя» [1, с. 44] Меншиков сказал такое, что лицо Петра исказила страшная гримаса и он грубо выругался. Мечты Петра об открытии Южного полюса, где можно будет «создать совсем иные законы и жизнь иную», его предположения, что «жители полюса тайну земного счастья постичь сумели» [1, с. 54] вызывают у слушателей лишь зевоту.

Образ Петра становится центральной фигурой в «русских» главах романа. Он импульсивен, горяч, не изменяет принятым решениям, любитель женщин, доверчив и проницателен одновременно. Разгул и пьянство – составляющие его привычной жизни. Петр в изображении Б.А.Садовского трагический образ. Он оказывается, предан своим ближайшим сподвижником Меншиковым, уговорившим Карла налить вина царю из специально припасенной бутылки, что усугубило его болезненное состояние и приблизило смерть. Б.А.Садовской предлагает читателю свой сценарий смерти Петра I, тем самым создает его «альтернативную биографию» [термин А.К.Окладниковой].

Важное значение в раскрытии образа Петра I имеют в романе его страсть к часам, к их искусной механике. Он стремится познать и понять само течение времени: «сам заводит и чинит» [1, с. 52], «во дворце их много, хрустальных, золотых, бронзовых, деревянных; каждую четверть часа поднимается звонкая переключка» [1, с. 44]. Однако петровский дворец с обилием часов и постоянным боем курантов превращается в символ уходящего времени. После тяжелой болезни Петр I принимает решение остановить часы, объяснив, что они «звонят, точно к покойнику» [1, с. 53]. В это же время после рождественских праздников Петр заводит разговор с Карлом Вебером о волшебной стране на Южном полюсе и говорит о своей приближающейся смерти и желании сделать великое дело. Остановив часы, Петр как будто пытается отсрочить время смерти, а с другой стороны, восприятие Рождества в

религиозном сознании как начала новой светлой эры рождает в мыслях царя мечту о стране, в которой будут созданы «иные законы и жизнь иная», «открытие сей страны послужит ко благу человечества» [1, с. 54]. Как отмечал Ю.М.Лотман, «у Петра I мысль о смерти вызывала лишь обострение тех же самых государственных забот, которые занимали его и при жизни» [3, с. 313.] Недаром на холостом ужине у Меншикова перед своей смертью царь все время говорит о Южном полюсе.

Б.А.Садовской воссоздает картину повседневной жизни великого монарха, раскрывает его характер в быту и во взаимоотношениях со

своими поданными и соратниками. Тезис, высказанный в начале повествования о России, – «Россия – хорошая страна» [1, с. 42] – то доказывается автором, то опровергается. Б.А.Садовской предоставляет читателю сделать самостоятельный выбор. Обращение к эпохе Петра I, ставшей переломной в истории российского государства, мечты Петра I о волшебной стране, в которой люди познали счастье, созвучны тому времени, в котором роман был написан. Петровская эпоха предстает в романе и смеховой стороной, и реальной действительностью, и сказочно-фантастическим Южным полюсом.

1. Садовской, Б.А. Лебединые клики. М., Советский писатель, 1990. 480 с.
2. Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., АЛЕТЕЙЯ, 1999. 508 с.
3. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., Азбука, 2015. 603 с.
4. Юль, Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 221–222.
5. Белозерова, Д.И. Карлики в России XVII–начала XVIII века // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., Дмитрий Буланин, 2000. С. 147–149.
6. Бердников, Л. Русский Галантный век в лицах и сюжетах. Книга вторая: шуты, шутовство: <http://litread.me/pages/536015/504000-505000?page=6/>
7. Окладникова, К.П. Альтернативная биография: вопросы теории жанра: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s41/s41_006.pdf
8. Чеботарев, А.Ю. Иван Алексеевич Балакирев как персонаж русского фольклора // Петровское время в лицах. Материалы научной конференции. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 230.

PETRINE EPOCH IN THE NOVEL “KARL VEBER” BY B.A.SADOVSKOY

© 2017 N.N.Kislova

Natalia N. Kislova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature. E-mail: kislova_nn@sgspu.ru

Samara State University of Social Sciences and Humanities. Samara, Russia

The paper focuses on characteristics of Petrine epoch representation in the historical novel «Karl Veber» by B.A.Sadovskoy. The author notes the influence of Petrine epoch adventurous character on the main character destiny. It is revealed through the principles of author's depicting a historic personality, namely Peter I is depicted through description of his own and his closest attendants' everyday behavior. Besides, there is an attempt to reveal the author's understanding of Petrine epoch through the prism of laugh culture: the images of dwarfs, fools, fooling weddings and funerals. The paper emphasizes Peter's I tragedy, his loneliness, lack of understanding between the tsar and his ideas and thoughts successors. The paper attempts to reveal the author's style: the use of symbolic images to depict Peter's I world view, creation of «alternative history».

Keywords: B.A.Sadovskoy, Petrine epoch, laugh element, historical novel, alternative history.

1. Sadovskoi, B.A. Lebedinye kliky (Swan shrieks). M., Sovetskii pisatel', 1990. 480 s.
2. Likhachev, D.S. Istoricheskaya poetika russkoi literatury. Smekh kak mirovozzrenie (Historical poetics of the Russian literature. Laughter as outlook). SPB., ALETEIYA, 1999. 508 s.
3. Lotman, Yu.M. Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII–nachalo XIX veka) (Conversations about the Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (XVIII – the beginning of the 19th century)). SPb., Azbuka, 2015. 603 s.

4. Yul', Yu. Zapiski datskogo poslannika v Rossii pri Petre Velikom (Notes of the Danish envoy in Russia at Peter the Great). *Lavry Poltavy*. M., Fond Sergeya Dubova, 2001. S. 221–222.
5. Belozerova, D.I. Karliki v Rossii XVII–nachala XVIII veka (Dwarfs in Russia of the XVII-beginnings of the 18th century). *Razvlekatel'naya kul'tura Rossii XVIII–XIX vv. Ocherki istorii i teorii*. SPb., Dmitrii Bulanin, 2000. S. 147–149.
6. Berdnikov, L. Russkii Galantnyi vek v litsakh i syuzhetakh. Kniga vtoraya: shuty, shutovstvo (The Russian Gallant century in persons and plots. Book the second: clowns, buffoonery): <http://litread.me/pages/536015/504000-505000?page=6/>
7. Okladnikova, K.P. Al'ternativnaya biografiya: voprosy teorii zhanra (Alternative biography: questions of the genre theory): http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s41/s41_006.pdf
8. Chebotarev, A.Yu. Ivan Alekseevich Balakirev kak personazh russkogo fol'klora (Ivan Alekseevich Balakirev as character of the Russian folklore). *Petrovskoe vremya v litsakh. Materialy nauchnoi konferentsii*. SPb., Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2004. S. 230.